

Журнал "Вокруг Света"

№8, август 1964

УДК 55
ББК 26.3
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг Света": №8, август 1964 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 72 с.

ISBN 978-5-458-43351-8

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В. Ерофеев, А. Беляев и многие другие. За время издания было выпущенно 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года). В номере:- Лунная пыль- Рыбаки Галисии- Выстрел в тайге- Наше космическое зеркало- Сокровища Эквена

ISBN 978-5-458-43351-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

самая текучая жидкость. Урони тяжелый предмет, он тотчас исчезнет — ни следа, ни всплеска... Передвигаться по этой коварной поверхности нельзя, разве что на двухместных, специально созданных для этого пылекатах. И, конечно, на «Селене» — удивительной по меси саней и автобуса, во многом похожей на вездеходы, которые десятки лет назад позволили освоить Антарктиду.

Техническое наименование «Селены» было П-1, то есть пылеход, первый образец (насколько было известно Пату, второго образца не существовало даже в проекте). Ее называли «кораблем», «судном», «лунобусом», кому как нравилось. Пат предпочитал говорить «судно», это исключало путаницу. Так никто не примет его за капитана космического корабля — звание, которым давно уже никого не удивилишь.

— Добро пожаловать на борт «Селены», — сказала мисс Уилкинз, когда все, наконец, расселись. — Капитан Харрис и я очень рады вам. Наше путешествие продлится четыре часа, первая достопримечательность — Кратерное Озеро, в ста километрах на восток отсюда, в Горах Недоступности.

Пат не слушал знакомые фразы, он готовил машину к пуску. «Селена», по сути дела, представляла собой наземную разновидность космического корабля; иначе и быть не могло, ведь она ходила в пустоте, и ее хрупкий груз нуждался в надежной защите. Хотя «Селена» никогда не взлетала с поверхности Луны и приводилась в движение электромоторами, все ее основное оборудование повторяло оснастку настоящей ракеты — и все полагалось проверять перед стартом.

Кислород — порядок. Двигатель — порядок. Радио — порядок. («Алло, «Радуга», здесь «Селена», проверка. Вы принимаете мой маяк?») И так далее, в общем больше полусотни узлов, каждый из которых при неисправности автоматически сам подавал бы сигнал. Но Пат Харрис, подобно всем работникам космических служб, мечтавшим дожить до глубокой старости, никогда не полагался на автоматическую сигнализацию, если можно было самому проверить.

Наконец он закончил контроль. Заработали почти бесшумные моторы, но гребные винты были еще в холостом положении, и сдерживаемая швартовыми «Селена» только чуть подрагивала. Пат слегка повернул лопасти левого винта; судно стало медленно разворачиваться вправо. Отойдя от здания вокзала, он лег на заданный курс и дал полный ход.

Судно отлично слушалось, несмотря на принципиально новую конструкцию. Здесь нельзя было опереться на тысячелетний опыт, который человек начал копить еще в каменном веке, когда впервые спустил на воду бревно. «Селена» не знала никаких предшественников, она родилась в мозгу нескольких инженеров, которые, сев за чертежный стол, задались вопросом: «Каким должно быть транспортное средство, призванное скользить по поверхности пылевого моря?»

Кто-то, вспомнив старину, предложил установить колеса на корме; в конечном счете было отдано предпочтение более эффективным винтам. Казалось, «Селену» толкает вперед сказочно энергичный крот, но кильватерная струя почти сразу таяла, и на поверхности моря не оставалось никаких следов.

Приземистые герметические купола Порт-Рориса быстро уходили за горизонт. Меньше чем через десять минут они скрылись из виду, и «Селена» оказалась в одиночестве. Одна посреди... чего? Ни в одном из языков Земли еще не было настоящего названия для этого «чего-то»...

Пат выключил моторы, дал судну остановиться и по-

дождал, пока не воцарилась тишина. Он уже привык: пассажирам нужно какое-то время, чтобы осмыслить всю необычность того, что простерлось за иллюминаторами. Они пролетели сквозь космос, видя со всех сторон звезды, глядели вверх (или вниз?) на сияющий диск Земли, но это — это нечто особенное. Не суша и не море, не воздух и не космос — всего понемногу.

Прежде чем тишина стала гнетущей (перебарщивать тоже нельзя, кто-нибудь может испугаться), Пат поднялся на ноги и обратился к пассажирам.

— Добрый вечер, леди и джентльмены, — заговорил он. — Надеюсь, мисс Уилкинз позаботилась, чтобы всем было удобно. Мы остановились потому, что это место очень подходит для первого знакомства с Морем. Тут можно, так сказать, ощутить, почувствовать его.

Пат Харрис указал на иллюминаторы и призрачное серое поле за ними.

Артур Кларк, прогрессивный английский ученый, автор многих научно-фантастических рассказов и романов.

Интересы Кларка широки и разносторонни. Ему принадлежит ряд научных работ, в которых высказаны интересные прогнозы и гипотезы. Так, уже в годы второй мировой войны А. Кларк публикует статьи о возможности использования орбитальных спутников с 24-часовым обращением в качестве радио- и телевизионного передатчика. Это было первым в истории науки прогнозом об использовании искусственных спутников в целях связи.

В своих увлекательно написанных научно-популярных и научно-фантастических произведениях, переведенных на многие языки мира, Кларк знакомит читателя с новейшими и перспективными достижениями науки и техники. Как правило, его фантазия основана на серьезных научных фактах и прогнозах.

Одним из своих самых удачных произведений Артур Кларк считает роман «Лунная пыль». Эта книга Кларка, предлагаемая вниманию читателей журнала «Вокруг света», является научно-фантастическим повествованием о событиях, происходящих на Луне в XXI веке. Она не только занимательна по фабуле, но и обогащает читателя многими научными сведениями и пробуждает в нем стремление к более глубокому познанию природы.

В 1962 году международное жюри, в составе которого были профессор Монталенти (Италия), доктор Рандхав (Индия) и автор этих строк, присудило Артуру Кларку премию ЮНЕСКО за популяризацию научных знаний.

Академик И. И. АРТОБОЛЕВСКИЙ

— Как вы думаете, — тихо спросил он, — какое здесь расстояние до горизонта? Я могу задать вопрос иначе: каким показался бы вам человек, если бы он стоял вон там, где звезды как будто встречаются с лунной поверхностью?

Полагаясь только на зрение, невозможно было точно ответить на его вопрос. Логика подсказывала: «Луна очень мала, горизонт должен быть совсем близко». Но чувства спорили. «Этот мир, — говорили они, — совершенно плоский и простирается в бесконечность. Он рассек всю вселенную надвое, и нет ему ни конца, ни края...»

Иллюзия не пропадала даже, когда человек узнавал ее причину. Глаз не может судить о расстоянии, если он беспомощно скользит вдоль унылой поверхности пылевого океана. Здесь не было даже того, что всегда есть на Земле, — атмосферы, легкой дымки, которая помогла бы определить, что ближе, а что дальше. И звезды — колючие точечки света — были одинаково яркими над головой и у горизонта.

— Хотите верить, хотите нет, — продолжал Пат, — вы видите всего на три километра — или около двух миль, если кто-нибудь из вас еще не привык к метрическим мерам. Я знаю: кажется, что до горизонта несколько световых лет, но вы могли бы дойти туда за двадцать минут, если бы только по этой пыли вообще можно было ходить.

Он снова сел и пустил моторы.

— Теперь следующие шестьдесят километров ничего

особенного не увидишь, — сообщил он через плечо, — так что поедem быстро.

«Селена» рванулась вперед. Впервые пассажиры настоящего ощутили скорость. Вращающиеся лопасти яростно взбивали пыль, кильватерная струя становилась длиннее, длиннее, и вот уже за кормой с обеих сторон вытянулись огромные призрачные шлейфы. Издали «Селена» могла бы показаться снежным плугом, который вспарывал зимний ландшафт, озаренный холодным лунным сиянием. Но серые, медленно рассыпающиеся параболы были не снегом, а светило, озаряющее их траекторию, было планетой Земля.

Пассажиры отдыхали, наслаждаясь ровным, почти неслышимым движением. Каждому из них доводилось мчаться в сотни раз быстрее, когда они летели на Луну. Но в космосе скорость не чувствуется, вот почему стремительное скольжение по пыли было несравненно более захватывающим. Пат заложил крутой вираж, «Селена» описала круг и едва не догнала невесомый шлейф, выброшенный к небу вращающимися лопастями. Казалось непостижимым, как эта лудра не разносится в стороны, взлетает и падает, сохраняя четкую конфигурацию. На Земле, в плотной атмосфере, она висела бы в воздухе часами.

Как только судно легло на прямой курс и опять стало не на что глядеть, пассажиры погрузились в чтение предусмотрительно припасенной для них литературы. У каждого были фотопроспекты, карты, сувениры («Настоящим удостоверяется, что мистер... миссис... мисс... ходили по «морям» Луны на борту пылехода «Селена») и информационные брошюры, в которых они могли найти все, что им хотелось знать о Море Жажды.

Они прочли, что большая часть поверхности Луны покрыта тонким, всего в несколько миллиметров, слоем пыли, образованной небесным материалом — метеоритами, которые выпали на незащищенную Луну за последние пять миллиардов лет, — а также продуктами выветривания лунных гор, разрушаемых сжатием и расширением во время резкой смены дневной и ночной температур. Независимо от ее происхождения пыль эта настолько мелка, что даже при здеишем незначительном тяготении струится, подобно влаге.

На протяжении тысячелетий она стекала с гор на равнины, собираясь в лужи и озера. Первые исследователи Луны предвидели это явление и были подготовлены. Но Море Жажды оказалось сюрпризом: никто не ожидал, что существует чаша пыли диаметром более ста километров.

В сравнении с лунными «морями» она была очень мала, и астрономы никогда официально не признавали ее названия, подчеркивая, что она лишь часть Синус Рорис — Залива Росы. Разве можно, протестовали они, называть морем часть залива?! И все-таки, несмотря на все их возражения, наименование, придуманное кем-то из рекламного отдела «Лунтуриста», прижилось. Кстати, оно было ничуть не хуже названий других «морей» — Моря Облаков, Моря Дождей, Моря Спокойствия. Не говоря уже о Море Нектара.

Брошюра содержала также сведения успокоительного рода, призванные развеять страхи опасливых путешественников. «Сделано все, чтобы обеспечить вашу безопасность, — говорилось в тексте. — Запаса кислорода на «Селене» хватит больше чем на неделю, все важные системы дублированы. Автоматический радиомаяк регулярно сообщает на Базу, где вы находитесь, и если даже — вопреки всякой вероятности — откажет силовая установка, вас быстро доставит обратно пылекат из Порт-Рориса. А главное, вам не надо опасаться непогоды. Каким бы скверным моряком вы ни были, на Луне вам морская болезнь не грозит. Море Жажды не знает штормов, оно всегда одинаково гладко».

Тот, кто написал эти слова, ничуть не покривил душой. Разве мог кто-либо подозревать, что они вскоре будут опровергнуты?

Пока «Селена» бесшумно скользила в ночи, жизнь Луны шла своим чередом. Оживленная деятельность сменила миллионы лет спячки, и за последние пятьдесят лет на Луне произошло больше событий, чем за

предшествующие пять миллиардов. А что будет завтра?..

В первом парке первого города, который человек построил вне своего родного мира, ходил по дорожкам главный администратор Ульсен. Как и все двадцать пять тысяч обитателей Клавийграда, он очень гордился этим парком. Маленький — это правда, но уж не такой, каким его изобразил этот болтун из телевидения, когда называл парк «окольным ящиком, страдающим манией величия». И, во всяком случае, на Земле нет ни парка, ни сада, ни огорода, где бы вы увидели подсолнухи десятиметрового роста!

Высоко над головой парили легкие облачка-барашки. Разумеется, всего лишь изображение, проектируемое изнутри на свод купола, но до того похожее на правду, что иногда главного администратора одолевала тоска по дому. По дому? Он поправил себя: его дом здесь.

И все же в глубине души Ульсен знал, что это не так. Может быть, для его детей будет иначе; они уроженцы Луны, появились на свет в Клавийграде. Он родился в Стокгольме, на Земле и связан с ней узами, которые с годами могут ослабнуть, но никогда не порвутся совершенно.

Менее чем в километре от него, по соседству с главным куполом, начальник Управления Лунного Туризма Девис подвел итог последним денежным поступлениям и позволил себе ощутить легкое удовлетворение. Новый сезон принес рост доходов. Разумеется, на Луне нет времен года, но отмечено, что число туристов возрастает, когда в северном полушарии Земли воцаряется зима.

Как закрепить успех? Вечная проблема... Нельзя все время показывать одно и то же, туристам подавай разнообразие. Необычный ландшафт, слабое тяготение, вид на Землю, загадки Фарсайда, великолепное звездное небо, первые поселения (где, впрочем, далеко не всегда рады туристам) — что еще может предложить Луна? Как жаль, что нет селенитов со странными обычаями и еще более странной внешностью, которых гости могли бы фотографировать. Увы, самого крупного представителя органического мира, когда-либо обнаруженного на Луне, можно увидеть только в микроскоп, да и то его предки попали сюда с «Лунником-II», всего десятью годами раньше человека.

Начальник «Лунтуриста» мысленно перелистал последние письма, полученные по телефаксу; может быть, из них можно что-нибудь почерпнуть? Итак, очередной запрос какой-то телевизионной компании — очень хотят снять новый документальный фильм о Луне при условии, что «Лунтурист» возьмет на себя все расходы. Ответ будет отрицательным: если принимать все любезные предложения такого рода, его управление быстро прогорит.

Дальше — многословное послание коллеги из туристской компании «Большого Нью-Орлеана». Предлагает обмен сотрудниками. Неизвестно, будет ли от этого толк Луне или Нью-Орлеану, но хоть расходов никаких и полезно для сотрудничества. А вот следующее письмо действительно интересно: запрос чемпиона Австралии по водным лыжам, который хочет знать, пробовал ли кто-нибудь кататься по Моря Жажды.

А что — это идея! Определенно стоит сделать попытку. Девис старался придумать новые формы отдыха на Луне, и маршрут по Моря Жажды был предметом его особенной гордости.

Он не мог знать, что через несколько часов этот маршрут станет для него источником самых тяжелых переживаний.

II

Линия горизонта, к которому стремилась «Селена», изменилась. Там, где была безупречно ровная дуга, появилась зубчатая цепь гор, и казалось, они медленно поднимаются к небу.

— Горы Недоступности, — объявила мисс Уилкинз. — Названы так потому, что окружены со всех сторон Морем. И к тому же они намного круче большинства лунных гор.

Она не стала развивать эту тему; дело в том, что большинство лунных пиков разочаровывают, когда ви-

дишь их вблизи. Огромные кратеры, такие внушительные на фотографиях, снятых с Земли, оказываются пологими увалами. Вечерние и утренние тени сильно искажают действительный рельеф. На всей Луне нет ни одного кратера, склоны которого могли бы крутизной сравниться с улицами Сан-Франциско или представить собой серьезное препятствие для настойчивого велосипедиста.

— Горы эти еще по-настоящему не исследованы, — продолжала мисс Уилкинз. — В прошлом году мы забросили туда отряд геологов. Высадили их как раз на том мысу, но они смогли пройти всего несколько километров. Возможно, в Горах Недоступности что-нибудь

таится... Но пока нам об этом ничего не известно.

«Молодец, — подумал Пат. — Хороший гид знает, что объяснять подробно, а где оставить простор для воображения...» Сью говорила спокойно, непринужденно, никакого намека на унылый речитатив, профессиональный порок большинства гидов. И она хорошо знала свой предмет, могла ответить почти на любой вопрос. Словом, незаурядная молодая особа. И хотя мисс Уилкинз очень нравилась Пату, в глубине души он чуточку побаивался ее.

Приближающиеся горы прочно приковали к себе взгляды восхищенных пассажиров. Таинственный уголок таинственной Луны... Посреди необычного моря вздымался остров, заманчивый орешек для следующего поколения исследователей. Вопреки названию добраться до Гор Недоступности теперь было просто. Но пока не изучены миллионы квадратных километров местности, которую нужно освоить в первую очередь, им придется подождать.

Еще немного, и «Селена» войдет в тень... Прежде чем пассажиры успели понять, что происходит, Земля скрылась за горами. Ее свет серебрил высокие вершины, но внизу царила тьма.

— Сейчас я зыкучу внутреннее освещение, — сказала стюардесса, — чтобы вам было лучше видно.

И едва погасло тусклое красноватое сияние, каждый почувствовал себя так, словно он один в лунной ночи. Даже свет на вершинах пропал, когда пылеход углубился в тень. Остались только звезды — холодные немеркнущие огоньки, окруженные тьмой настолько черной и жуткой, что сознание не хотело ее принимать.

Среди россыпи звезд трудно было отличить знакомые созвездия. Глаз путался в узорах, которых нельзя увидеть с Земли, терялся в сверкающем хаосе скоплений и туманностей. В этой блистательной панораме был только один безошибочный ориентир — яркий маяк Венеры, которая затмевала все остальные небесные тела, возвещая близость рассвета.

Прошло несколько минут, и путешественники заметили, что не только вверх есть на что подивиться. За стремительно движущимся пылеходом тянулась длинная фосфоресцирующая кильватерная струя, будто волшебный палец начертил светящуюся полосу на мрачном и пыльном лике Луны. «Селена» отравила себе кометный хвост, совсем как ночной корабль в тропическом океане на Земле.

Но здесь не было никаких микроорганизмов, и не они озаряли безжизненное море своими крохотными светильниками, а разряжающиеся пылинки, в которых стремительная «Селена» вызывала статический заряд. Очень просто и удивительно красиво: в ночном мраке

за кормой корабля непрерывно разматывалась электрическая лента, точно сам Млечный Путь лег на лунную поверхность.

Внезапно огненная струя растворилась в мощном потоке света: Пат включил прожектор. За иллюминаторами, совсем близко, скользила назад каменная стена: здесь склон горы вздымался почти отвесно из пылевого моря на высоту, которой даже нельзя было себе представить, видя только летящий овал, выхваченный прожектором из черного небытия.

Гималаи, Скалистые горы и Альпы были новорожденными младенцами в сравнении с этими горами. На Земле эрозия точит хребты с первого дня их возникновения, несколько миллионов лет — и от первоначальной махины одна тень остается. Луна не ведает ни дождей, ни ветров, ничто не разрушает скалы, если не считать ночного холода, который заставляет даже каменную поверхность сжиматься и отслаивать мельчайшие пылинки. Лунные горы такие же древние, как породивший их мир...

Пат втайне гордился своим умением «показать» Луну. Следующий номер он готовил особенно тщательно.

Прожектор погас, и пассажиры вдруг увидели, что под покровом мрака с другой стороны тоже вплотную подступили горы. Почти в полной тьме «Селена» мчалась вверх по узкому каньону, мчалась не прямо, а непрерывно лавируя между незримыми преградами. Честно говоря, некоторые из них вообще не существовали; днем, на минимальной скорости Пат запрограммировал маршрут так, чтобы ночью дух захватывало. Крики испуга и восторга за его спиной подтверждали, что аттракцион удался. Узенькая полоска звезд далеко вверх — вот и все, что теперь было видно, а она извивалась сумасшедшими петлями, повторяя замысловатый бег пылехода.

«Ночная аллея», как про себя называл Пат эту часть маршрута, длилась всего около пяти минут, но эти минуты казались часами. И когда капитан снова включил прожекторы и «Селена» очутилась в центре огромного светового круга, у пассажиров вырвался вздох облегчения, смешанного с разочарованием. Да, не скоро они забудут «Ночную аллею»!..

В свете прожекторов стало видно, что стены постепенно раздвигаются, и вот уже каньон сменился овальным амфитеатром шириной около трех километров — сердце потухшего вулкана, которое разорвалось в незапамятные времена, когда даже древняя Луна была молодой.

Кратер был очень мал по лунным меркам, но весьма примечателен. Вездесущая пыль, тысячелетиями поднимаясь вверх, по теснине, заполнила и его, и туристы с Земли могли удобно путешествовать в котле, где некогда бушевало адское пламя. Это пламя угасло задолго до зарождения земной жизни и никогда не вспыхнет вновь, но были на Луне другие силы — они не умерли и только выжидали своего часа...

Когда «Селена» медленно пошла по кругу вдоль скал, не один пассажир невольно вспомнил катание на горных озерах на Земле. Та же чуткая тишина, то же ощущение бездонной глубины вниз.

Пат не торопился, сделал два полных круга. Сейчас только и полюбоваться озером. Днем, в яростных лучах ослепительного солнца, оно сильно проигрывало: теперь же озеро казалось порождением лихорадочной фантазии Эдгара Аллана По. Сразу за пределами световой полосы непривычному глазу чудились странные движущиеся фигуры. Разумеется, чистое воображение: что может двигаться в этом краю, кроме теней, рожденных Солнцем и Землей? Откуда быть привидениям в мире, который никогда не знал жизни...

Но пора поворачивать обратно, выходить через каньон в открытое Море. Пат нацелил тупой нос «Селены» на узкие ворота в горах, и снова их обступили высокие кручи. Теперь капитан не выключал прожекторов, пусть пассажиры видят путь; тем более второй

раз аттракцион не произведет столь сильного впечатления.

Далеко впереди родился свет, который медленно наступал на скалы и утесы. Даже в последней четверти Земля была ярче десяти полных лун, и как только пылеход вынырнул из тени гор, она вновь заняла престол царицы небес. Двадцать два пассажира «Селены» восхищенно смотрели на неизъяснимо красивый голубовато-зеленый полукруг. Удивительно, родные поля, озера, леса излучают такое волшебное сияние! Пожалуй, в этом заключен мудрый урок: чтобы оценить свой собственный мир, нужно взглянуть на него из космоса...

А сколько глаз устремлено сейчас с Земли на прибывающую Луну, вечную спутницу, которая приобрела теперь особое значение для человечества? Не исключено (хотя и мало вероятно), что кто-то в этот самый миг всматривается через мощный телескоп в крохотную искорку скользящей в лунной ночи «Селены». Но когда искорка погаснет, ее исчезновение ничего не скажет земному наблюдателю.

Миллионы лет в глубинах у подножия гор, словно исплинский нарыв, рос этот пузырь. На протяжении всей истории человечества из живых еще лунных недр сочился по трещинам газ, копясь в пустотах, в сотнях метров от поверхности. Пока на Земле один за другим сменялись ледниковые периоды, пустоты разрастались вширь, ввысь, сливались между собой. И настала пора нарыву прорваться.

Капитан Харрис, передав управление автопилоту, разговаривал с пассажирами, когда судно тряхнуло первый толчок. «Должно быть, винт что-то задел», — успел он подумать. В следующий миг у него почва ушла из-под ног в самом прямом смысле слова.

Она уходила медленно — на Луне все падает медленно. Впереди «Селены» на площади в много акров над гладкой равниной вздулся бугор, и Море ожило, заколыхалось под действием сил, которые пробудили его от тысячелетнего сна. В центре бугра открылась воронка — словно в пылевой толще возник гигантский водоворот. И каждая деталь этого кошмара была отчетливо видна в свете Земли, пока кратер не углубился настолько, что его противоположная стенка окуталась тенью. «Селена» мчалась прямо на черный полумесяц, который казался символом небытия.

Казалось?.. Когда Пат схватился за рычаги, судно уже катилось, скользило вниз, вниз, все дальше вниз по коварному откосу. Собственная инерция и ускоряющийся поток пыли увлекали его в пучину. Оставалось только всеми силами удерживать «Селену» на ровном киле и надеяться, что скорость позволит им выскочить вверх по противоположному склону, прежде чем они провалятся на дно кратера.

Возможно, пассажиры кричали — Пат ничего не слышал. Он думал только об ужасном, отвратительном скольжении и о том, как не дать судну опрокинуться. И еще Пат Харрис, лихорадочно маневрируя, форсируя то один, то другой двигатель, чувствовал, как в глубинах сознания шевелится воспоминание... Где-то, когда-то он уже видел точно такую картину.

Конечно, вздор. Но почему он никак не может отделаться от этой мысли?.. И лишь когда Пат со дна воронки увидел, как сверху, из-под звезд, через края кратера бесконечным потоком, лавиной вниз сыплется пыль, в мозгу его словно открылась завеса.

...Летний день, маленький мальчик играет в горячем песке. Увидел ровную ямочку с гладкими стенками, в глубине ее что-то шевелилось, зарывшись в песок так, что только клешни торчали. Что это такое? Мальчик смотрел и ждал, словно угадывая, что скоро на этой крохотной сцене разыграется драма. Откуда ни возьмись муравей, поглощенный своими муравьиными делами. Подбежал к краю ямки... поскользнулся — и поехал по стенке вниз!..

Конечно, муравей легко одолел бы подъем, но едва первые песчинки скатились на дно ямки, злобное чудовище — муравьиный лев — вышло из засады. Передними лапками оно обрушило фонтан песка на жертву, и муравей вместе с песчаной лавиной съехал в кратер.

В точности как сейчас «Селена»... Конечно, не муравьиный лев вырыл яму на поверхности Луны, но Пат чувствовал себя таким же беспомощным, как обреченное насекомое. Подобно муравью, он карабкался вверх, вверх к спасительному краю, борясь с потоком пыли, который хотел увлечь его в объятия смерти. Быстрая смерть для муравья — долгая и мучительная для него и его спутников.

Напрягая всю мощь, моторы толкали судно вперед. Слишком медленно. Пылевая лавина неотвратимо набирала скорость, но что хуже всего — пыль поднималась вверх вдоль бортов «Селены». Достигла иллюминаторов... выше... выше... совсем закрыла! В тот самый миг, когда Пат выключил моторы, чтобы не сгорели от непосильного напряжения, пыль поглотила последний отсвет Земли. Они погрузились в недра Луны, окруженные мраком и безмолвием.

III

На радиопульте диспетчерской Эртсайд-Север всполошилась одна из секций электронной памяти. Двадцать часов одна секунда гринвичского времени: серия импульсов, которая должна автоматически поступать на пульт каждый час, не пришла.

С быстротой, недоступной человеческому разуму, горсточка ячеек и микроскопических реле «перелистала» свои инструкции. «Ждать пять секунд, — гласил кодированный приказ. — Если ничего не изменится, включить цепь 10011001».

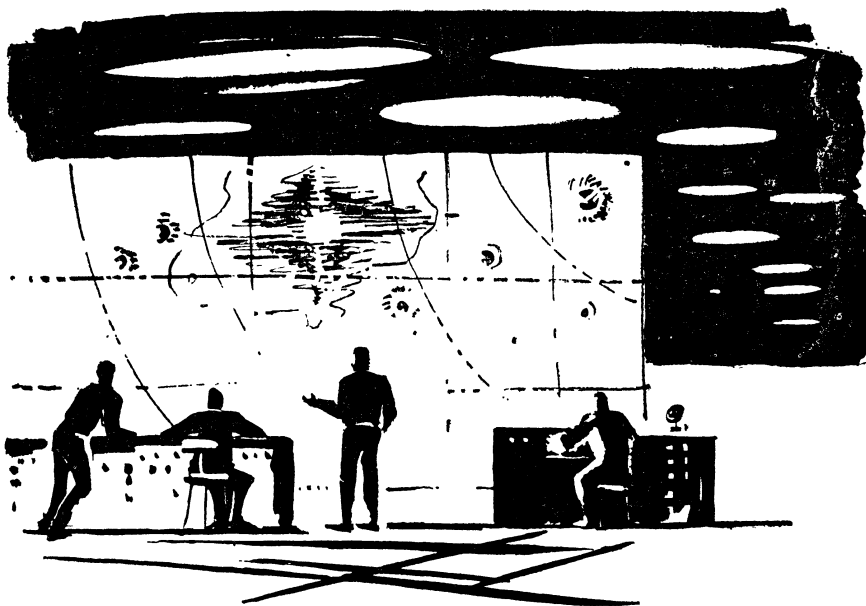
Высоко над поверхностью Луны, с антенны, которая была нацелена на земной диск, улетел в космос радиопульс. За одну шестую секунды он прошел пятьдесят тысяч километров до спутника связи «Лагранж II», подвешенного между Луной и Землей. Еще через одну шестую секунды многократно усиленный импульс вернулся, обдав потоком электронов северное полушарие Эртсайда (так на Луне называли видимую с Земли сторону, обратная называлась Фарсайд).

Если перевести на человеческую речь, он нес очень простое сообщение: «Алло, «Селена», я не принимаю вашего маяка. Прошу тотчас ответить».

Диспетчер подождал еще пять секунд, потом опять послал импульс. И еще раз. В электронном мире проходили геологические эпохи, но терпение машины было беспредельно.

Диспетчер вновь обратился к инструкциям. Последовал новый приказ: «Включить цепь 10101010». Машина подчинилась, и одна из зеленых лампочек в диспетчерской внезапно сменилась красной, одновременно зуммер принялся распиливать воздух сигналом тревоги. Только теперь и люди тоже узнали, что где-то на Луне случилось беда.

Поначалу новость распространялась медленно: главный администратор неодобрительно относился к беспричинной панике. Еще меньше ее одобрял начальник «Лунтуриста»: аварии и тревоги только все дело портят, даже если — как это бывало в девяти случаях из десяти — оказывалось, что повинны перегоревшие предохранители, неисправные выключатели или чрезмерно чувствительные сигнализаторы. На Луне полагалось ежеминутно быть на чеку. Лучше отозваться на воображаемую опасность, чем прозевать действительную

Прошла не одна минута, прежде чем Девис неохотно признал, что на этот раз, видимо, речь идет о действительно критическом случае. Был и раньше случай, когда автоматический маяк «Селены» не сработал, но Пат Харрис ответил, как только его вызвали на волне пылехода. Теперь же судно молчит. «Селена» не отзывалась даже на аварийной волне, которой пользовались только при крайней необходимости. Весть об этом заставила начальника «Лунтуриста» поспешно покинуть воздвигнутую специально для его управления башню и по крытому ходу пройти в Клавииград.

У входа в диспетчерскую он встретил главного инженера Эртсайда. Скверный признак: значит, кто-то предполагает, что понадобится спасательная операция. Они озабоченно поглядели друг на друга.

— Надеюсь, не вам нужна моя помощь? — сказал главный инженер Лоуренс. — Что произошло? Я знаю только, что послан вызов на аварийной волне. Какой корабль?

— Не корабль... «Селена» не отвечает, она в Море Жажды.

— В Море Жажды?! Если с ней там что-нибудь случилось, мы можем добраться туда только на пылекатах. Сколько раз я говорил: прежде чем возить туристов, нужно ввести в строй второй пылеход.

— Я говорил то же самое, но Финансовое управление наложило вето. Дескать, второго не будет, пока «Селена» не докажет, что способна дать прибыль.

— Как бы она вместо этого не дала материал газетам, — мрачно отозвался Лоуренс.

Девис знал, отлично знал; они уже давно грызлись по этому поводу. Но впервые ему пришлось в голову, что главный инженер, возможно, не так уж и не прав.

В диспетчерской, как всегда, было очень тихо. На больших стенных картах мелькали зеленые и желтые огоньки, обыденные и малопримечательные по сравнению с единственным во всем помещении тревожным красным сигналом. За пультами «Воздух», «Энергетика», «Радиация», подобно ангелам-хранителям, сидели дежурные инженеры, ответственные за безопасность на одной четверти лунной поверхности.

— Ничего нового, — доложил дежурный по НТ (наземному транспорту). — Мы все еще в полном неведении. Знаем только, что они где-то на Море — Он нарисовал круг на крупномасштабной карте. — Если не сблизился безнадежно с курса, должны быть где-то в этом районе. В момент контроля в 19.00 судно было на своем маршруте, отклонение не больше километра. В 20.00 сигнал не поступил; значит, авария произошла в течение этих шестидесяти минут.

— Сколько может «Селена» пройти за час? — спросил кто-то.

(Окончание на стр. 55)

ВАЛЕРИЙ АНДРЕЕВ,
наш спец. корр.

Полночь. Пополнив запасы воды и топлива, мы уходим в район лова. Огромным светящимся айсбергом долго маячит за кормой «Пищевая индустрия» — наша плавбаза.

капитанский час. Слушаю обстановку. Вызываю «Оплот»!

— Я «Оплот», — доносится из рации. — Докладываю обстановку. Координаты... Море спокойное. Нахожусь у борта «Ларги». Беру горючее. Дважды забрасывал сеть по наводке самолета. Оба «пустыри»...

Витька, Славик, Коляня, я — все мы придвигаемся к динамике.

вот опрокинется. В шлюпке — Витя Мягков. Ему все нипочем — он улыбается. Его спокойствие передается и нам. Рассудительность тоже.

По-прежнему тепло, чуточку посерело небо. Время около четырех. Мы в районе лова.

Витька раскачивается в шлюпке и распевает. На нем красная вязаная шапочка и оранжевый спасательный жилет. Витька очень гордится своим оранжевым жилетом. Внезапно песня обрывается.

— Смотри! — кричит Витька и машет нам рукой.

Мы смотрим. Зеленоватое светящееся пятно, то тускнея, то разгораясь, маячит прямо у нас по курсу.

— Косяк!

Мы отворачиваем чуть влево.

— ...товся! — заглушая ветер, несется откуда-то сверху. Это наш капитан. У него охрипший голос.

— Есть! — по-военному отвечает Макс и берет в руки увесистый молоток. Макс — плавмастер, наш рыбный «бог». Кстати, очень мягкий человек. Но в одном он категоричен — и тут уж не спорь, — его профессия самая что ни на есть важная, и точка.

— ЕСТЬ! — кричит Витька и прикладывает руку к воображаемому козырьку. Как космонавт перед стартом. Это, конечно, своего рода шик. Мы не космонавты. Мы рыбаки. Искатели сельди, как научно выразился наш Славик.

При замете место Славика рядом с моим — слева. Наша обязанность поймать с Витькиной шлюпки «выброску», подтянуть и закрепить конец невода и поднять на борт «низа». Работы в общем

СООБЩАЕМ

Море спокойно. В темноте оно кажется вязким. Вода мягко липнет к бортам нашего сейнера и глушит перестук двигателей. Идем самым полным, а кажется, что топчемся на месте — ощущение скорости и простора исчезло, темнота размывает перспективу. Лишь яркие

Положение незавидное. Наводящие докладывают, что косяки сплошь разрозненные...

— Товарищи, — медленно, с расстановкой говорит начальник экспедиции. — Сегодня каждый обязан взять рыбу. Брать даже небольшие количества — пятьдесят, тридцать, двадцать центнеров.

Мы долго не расходимся, молчим. А в ушах у меня продолжает звучать тревожное предупреждение — помните... помните...

Ночь опрокидывается на нас мерным гудом машин, легким покачиванием и тревожным ожиданием.

Но всем тревогам назло приходит сон, чуткий, но добрый. Мне снится, что палуба наша завалена рыбой. Ее уже некуда девать. А мы, все в чешуе как русалки, все черпаем и черпаем ее из невода. Над нами море электрического света. Мы включили всю иллюминацию. Пусть знают все —

НАШИ

звезды, словно специально для нас зажженные ориентиры, прочертили в небе нужное направление.

Вахтенный сосредоточенно морщит лоб, лихорадочно вращает штурвал, но картушка предательски убегает во влево, то вправо. Вахтенный Ваня Поддубный — новичок.

КООРДИНАТЫ

— Надо понять, что вращается не картушка, а мы, корабль, по отношению к ней, — терпеливо объясняет старпом Поддубному. — Управлять кораблем — не баранку крутить. Это понимать надо.

Новичок готов выслушать наставления старшего помощника, но оживает эфир.

— Доброй ночи, все товарищи присутствующие. — говорит начальник экспедиции. — Начинаем

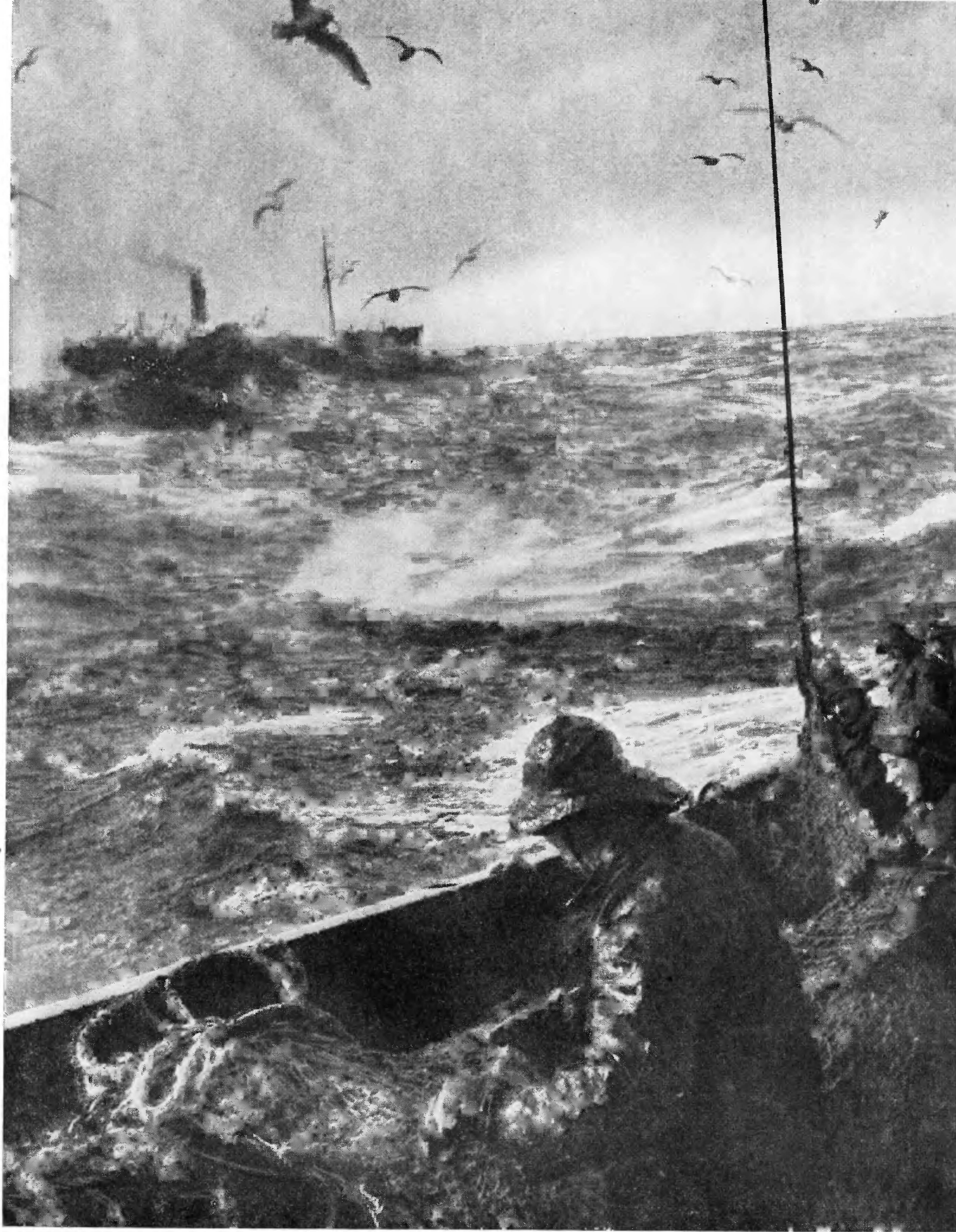
у нас много-много рыбы. И мы зовем к себе шхуны, кричим им по радио...

Глухое дребезжание толкает меня в спину. Аврал срывает нас с теплых постелей и кидает на палубу. Сырой воздух перехватывает дыхание. Смотрю направо — слабо освещенная палуба, высоко вздернутый над кормой нос шлюпки. Она свесилась над светящимся зеленым буруном и, кажется, вот-

то хватает. Но дело это привычное и потому кажется легким. Надо только хорошо подготовиться к замету. Вот и сейчас Славик уже колдует у себя на баке: он неторопливо идет к брашпиллю.

Рыболовецкие траулеры в Баренцевом море.

Фото Е. ХАЛДЕЯ

неторопливо берет багор... Все это можно сделать позже, после следующей команды, но Славик уважает порядок и категорически против спешки.

— Отдать шлюпку! — гремит с рубки голос капитана, и все остальное свершается молниеносно. Макс коротко бьет молотком по скобе.

«Тиу!» — взвизгивает освобожденный трос, и шлюпка вместе с Витькой на полном ходу срывается за борт. Через мгновение, выровнявшись, она уже маячит далеко позади.

— Как там каждый раз Витьке удается держать равновесие — немыслимо, — удивляюсь я.

— Ничего особенного, — говорит Славик. — Просто у человека в порядке вестибулярный аппарат.

Мы резко меняем направление. Слышно, как, дробно перестукивая пробкой, раскручивается за борт невод. Описываем большой полукруг. Косяк метнулся влево. Светящееся пятно вдруг заплесало, разлилось, словно жидкость из опрокинутой бутылки. Неужели уйдет?

— Пора! — Я задраиваю все двери, убираю с палубы все лишнее: концы, ящики...

Начинаем выборку. Я, Кан и Коляня укладываем дель, Славик стоит на «низах», Макс и Витька — «на пробке». Дед ворочает лебедкой. Ваня Поддубный и Толик Бабич — на правах новичков в резерве, до особого распоряжения. Первый раз пусть учатся теоретически — так сказал Макс.

— Начали!

* * *

Как начали, так и кончили. «Пустырь!» Самый что ни есть классический, ни одной рыбешки!

— Я так и знал, — говорит моторист, выглядывая из машины, — когда мы пошли вправо, надо было идти влево. Рыбу надо уметь ловить.

Макс молчит. Он глубоко оскорблен. Все мы видим это.

— А ты иди к машине и помалкивай! Понял? — говорит Дед мотористу.

— Понял, — отвечает тот и моментально исчезает.

Дед — старший механик. Моторист его здорово уважает. Особенно когда у Деда плохое настроение.

Мы заводим концы, прибираем палубу.

Светает. Слева к нам подваливает «Нерпа» — шхуна-приемщик.

— Ну как, мальчики, рыба есть? — спрашивают.

— Пустырь, — отвечаем.

— Что-что?

— Как будто не слышат, — бурчит Витька.

РЫБАКИ ГАЛИСИИ

— Картошки нам подкинете? — спрашивает старпом у «Нерпы».

На шхуне молчат.

— На «Нерпе» отвечайте!

— Соломой вас надо кормить, мальчики! — кричат нам.

— Ах ты, Нерпа необразованная! — не выдерживает Витька.

— Брось, Витек, — говорит Славик. — Они правы. Пышек мы сегодня не заслужили.

Заря багряно венчает дальние сопки.

Суда сдают рыбу. Сегодня ночью каждый что-то взял. «Оренбург», «Омар» принимают первые поздравления начальника экспедиции. В районе лова оживленно. Судьба экспедиции решена, но увы... без нашей помощи. Мы молча проходим мимо знакомых судов. Подальше от глаз.

Через полчаса должна прилететь «Рыба» — самолет промысловой разведки. «Рыбу» мы очень ждем. Ей оттуда сверху видны все косяки, и она здорово нам помогает.

«Рыба» появляется над нами ровно в назначенное время. Кружит. Здоровается. Мы разворачиваемся в боевой порядок. Судов пятнадцать. Начинается погоня: «Рыба» — за селедкой, мы — за «Рыбой». Теперь главное — не отстать от других. Механики выжидают из двигателей все. Белые буруны чертят море. Ветер терзает наши зойдвестки.

— Суда! Суда промысловые, — обращается «Рыба». — Вижу ско-

пление сельди. Приготовиться Семнадцатому, Сорок первому и Восемьдесят пятому.

Нас захватывает азарт погони. Мы в атаке. Дрожит под ногами палуба. Эта дрожь передается и нам. Сейнер и мы сейчас единое целое. У Коляни от возбуждения горят глаза.

— Витья, ты видел атаку торпедных катеров?

— А как же, конечно, видел.

— Расскажи, — просит Коляня.

— В кино...

— Что в кино? — переспрашивает Коляня.

— В кино, говорю, видел, — смеется Витька.

— К тебе серьезно, а ты...

— Восемьдесят пятый, право на борт! — командует нам «Рыба».

— Есть право на борт!

И опять неудача, косяки ушли на глубину.

* * *

Третий день штормит. Море затянато жиденьким туманом. Нашего кока Таю укачало, и жизнь моя теперь проходит на камбузе — я кормлю команду.

«Рыба» не прилетает. Записи в нашем журнале лаконичны и одинаковы изо дня в день: «С такого-то часа по такой переменной курсами за наводящим СРТ «Утес» в поисках...» Наш эхолот работает с огромной нагрузкой, за борт выброшены километры использованной ленты, а рыбы все нет и нет.

Северо-запад Испании. Влажная, туманная Галисия. Неправильный пятиугольник, который очерчивает границы Галисии, с трех сторон открыт морю. Берега Галисии изрезаны множеством мелких заливов — риасов.

Здесь проходит теплое течение Гольфстрим, а многочисленные реки выносят в океан массу органических веществ. Океан в этом районе очень богат рыбой; у северных берегов Галисии встречаются треска, мерланы, макрель; у западных берегов — сардины, скаты.

Не так давно, в XVII—XVIII веках, у атлантических берегов Галисии водились киты. Сейчас лишь иногда — раз в пять лет — киты появляются в ста милях от берега.

На отменях мелких рек Виго, Вильягасия, Марин, впадающих в океан, раскинулись громадные устричные поля; устриц вывозят в центральные районы Испании и за границу. С одной только банки Сан-Симон на реке Виго собирают около 5 миллионов устриц в год.

Галисийцы — потомки кельтских племен, некогда населявших север Пиренейского полуострова, — исконные рыбаки. Это те же крестьяне, которые сочетают морской промысел с занятием сельским хозяйством. На своих карликовых участках они выращивают маис и картофель.

Каждый день выходят в океан молодые галисийские рыбаки на своих парусных и весельных суденышках. Традиционные способы рыбной ловли в Галисии очень разнообразны.

Самый простой из них «кордель» — «веревка». Этим способом ловят бедные рыбаки-одиночки. С маленькой лодки закидывают крючок с приманкой из сардины или

рачка и ждут, пока «клюнет» рыбина. Обычно таким способом ловят макрель в октябре или январе. Бывают случаи, когда большая рыба опрокидывает лодку и топит рыбака. В летние безлунные ночи океан вдруг начинает светиться голубыми и оранжевыми сполохами от множества фосфоресцирующих рачков и планктона. «Вода горит», — говорят рыбаки и вынимают сети: рыба видит в светящейся воде сеть и уходит от нее. Но зато рыба, пойманная ночью, ценится перекупщиками дороже всего.

Способ «аррастре» стал применяться в Галисии раньше, чем в какой-либо другой части испанского побережья. Отсюда он распространился по всей стране. Для ловли рыбы с кормы судна спускают большую сеть — мешок. Затем судно набирает ход и тащит за собой сеть, загребая всю попадающую рыбу.

В Бискайском заливе в любое время года часты неожиданные бури и густые туманы. Особенно страшна зимняя и ночная ловля, когда внезапно налетает шторм. Молодые рыбаки объединяются в артели, товарищеская взаимопомощь помогает им преодолевать опасность рыбной ловли, помогает выстоять в трудной борьбе с крупными капиталистическими предприятиями, имеющими современные рыболовные суда.

Н. САДОМСКАЯ

Качка свалила и Ваню Поддубного. Мы ухаживаем за ним, как за ребенком: «Ваня, чайку подать?»

А Ваня молчит. Хмурый такой. О чем-то думает.

Володя Кан тоже умаялся. Вылез из машины и говорит: «Моя маленько помирай есть...» Шутит, конечно. Кан — моряк опытный, несколько раз в Бристоль ходил.

Вчера подвалила «Нерпа» и отгрузила нам Лешку и мешок муки. Лешка — это наш матрос. Он временно лечился на «Нерпе».

— Вылечился? — спрашиваем у Лешки.

— Нет, убежал, — говорит. — Надоело. Скука.

Теперь у нас все в сборе. Кворум, как говорится. По этому поводу устроили комсомольское собрание. Даже Тая, бледненькая и похудевшая, поднялась с постели.

Мы уговаривали: лежи, мол, доскаты, без тебя позаседаем. А она ни в какую: встану, и все.

Собрание открывает Марконя, наш секретарь.

— По плану положено нам выловить в этом месяце тысячу шестьсот центнеров, — говорит он. — Выловили мы сто шестьдесят. Сегодня — четырнадцатое число. План, сами понимаете, под угрозой. Что будем делать?

Славик Карпов тяжело поднимается с места, переминается и говорит:

— Надо ловить рыбу. — И садится.

— Прения окончены. Предлагаю записать решение, — говорит секретарь. — Все.

— Нет, не все, — Тая поднимается со своего места. Тоненькая и бледная, сейчас после качки она совсем стала прозрачной.

Ребята сочувственно смотрят на нее.

— Не все, — повторяет Тая твердо, — стыдно, одни «пустыри» вытягиваете. Эх, вы...

Мы опускаем головы. Ниже всех — Лешка-борода. Он влюблен в Таю, и тут уже не до шуток.

— Вы можете... — Тая не оканчивает.

Гремит аврал. Мы вскакиваем с мест.

Ночь. Темная. Туманная. Где-то справа — разжиженные огоньки наводящего. Мы поспешно натягиваем роботы.

Нам повезло. В такую зыбь взять триста центнеров совсем неплохо! Рыбу берем в трюм и на палубу и идем к острову Спафарьева на сдачу. На ходу чиним невод. Зыбь его основательно потрепала. Под холодным резким ветром стынут руки, стынешь сам. У Макса даже нос побагровел. Витька иронизирует по этому поводу.

Мы от души хохочем, а Макс даже не обижается. Он вообще на Витьку не обижается. Очень хочется спать. Это уже третья бессонная ночь.

Подходим к Спафарьеву. В бух-

те выстроилась очередь на сдачу. Идем вдоль шеренги судов.

— «Мармарик», «Макрель», «Олым», — читает Славик и сокрушается. — Ну, что это за название? «Олым», например. Читай наоборот!

Читаю по слогам, как первоклашка: «Мы-ло. Мыло?»

— Да, мыло. Есть названия просто приятные, — продолжает Славик. — Но надо, чтобы были со смыслом. «Теодор Нетте», например, «Оплот», «Пищевая индустрия»...

Уставшие, намоченные, мы спускаемся в кубрик. Садимся на пол. Курим. Не шутим, не смеемся, даже не дразним пса. Наш жизненный тонус иссяк. Восстановить его может лишь сон. И право на него завоевано. Но спать нам почему-то не хочется.

— А ты куда собираешься? — спрашивает Лешка у Поддубного.

— В море я ничего не выпускаю, и ловить мне оттуда нечего, — отвечает Поддубный и спокойно продолжает укладывать вещи.

— Значит, сматываешься. — Лешка поднимается на всякий случай.

— Когда в школе учился пацаном, — тихо говорит Поддубный, — одна мечта у меня была — выучиться говорить по-иностранному. А получилось, видишь, как. И школу не окончил и болтаюсь теперь, как жесть по ветру...

Опустив голову, он стоит в

уголке, маленький и щуплый, с прической подростка, — тридцати ему никак не дашь. Мне становится почему-то жаль его. Наверно, то же самое испытывает и Славик.

— Куда же ты теперь?

— Не знаю, — Поддубный нервно теребит свою челку. Видно, здорово ему неловко перед нами. — Я уже и бондарил, и шоферирил, и золото мыл, даже сапожничал, — он горько усмехается. — А вот рыбачить не могу — укачиваюсь...

Вдруг гулко застучала машина, и мы легонько ткнулись о что-то. На минуту все смолкло. Потом по палубе простучали чьи-то сапоги.

— Поддубный, к капитану за документами! — крикнули сверху.

Мы выбираемся на палубу. Высоко над нами, на высоте трехэтажного дома свободно гуляют стрелы, стрекочут лебедки, покрикивают «вира-майна». Плавбаза «Пищевая индустрия» обрабатывает продукцию. Ее густо облепили суденышки. Мы все по сравнению с нею просто мизер.

Поддубный стоит со своими обшарпанными деревянными чемоданами и ждет, пока спустят трап. Ветер бесцеремонно треплет его жиденькие волосы.

— А где твоя шапка? — спрашивает Славик.

— В море сдуло.

— Погоди, — Славик быстро исчезает в кубрике и через минуту появляется со своей новой ушанкой. — Возьми!

— Нет, нет, — бормочет Поддубный.

— Бери, бери! Будешь в ней на работу ходить.

* * *

Вечером подходим к району лова. Яркой иллюминацией расцвечена наша плавучая деревня. Если присмотреться внимательней, жизнь нашей деревни таит много чудес. Иллюминация ярче обычной — лов удачный и больше судов «сидят» на сетях; огней не густо — рыба ушла на глубину, и идет напряженный поиск. Деревня оживает, огни приходят в движение.

Эфир живет своей обычной жизнью: многогласно, шумно. Кто-то распекает кого-то — чего, мол, шляешься по моим сетям! Ослеп, что ли? Кто-то ведет дипломатические переговоры по части духовной пищи. Если не хочешь «Свадьбу с приданым», могут отдать «Девушку без адреса» за «Два бойца»... Кто-то просто зовет в эфир: «Эридана, Эридана...»

Подходим, наконец, к «Утесу». За ним уже выстроилась кавалькада судов. Занимаем свое место. В порядке очереди мы шестые. На подходе еще несколько посудин. Не дожидаясь их, разворачиваемся в походную колонну: впереди — неуклюжий, как утюг, наводящий «Утес», за ним — все остальные суда.

Идем за «Омулевкой». Ночь тихая, звездная. Правда, слегка покачивает. На вахте меня сменяет Славик. Желая ему счастливой вахты и спускаюсь в кают-компанию. Ребята уже поужинали и играют в домино.

Сейчас Дед расправляется с Лешкой — за пристрастие к игре в карты. Лешке неловко. Он торопит Деда. Камбуз все-таки рядом, и Тая может все увидеть. И лучшие Лешкины чувства будут посрамлены. Но Дед не спешит. Он растягивает удовольствие. Входит Тая.

— Опять, — говорит она и качает головой. — Ребята, ведь это не эстетично. — И поглядывает на распухший Лешкин нос. Програвшего по носу бьют картами. — Серега, сыграешь? — предлагает Коляня.

— Нет, спасибо, мне после этого не спится, — отвечаю и заглядываю в радиорубку. Там одинешенек сидит Макс и с глубокомысленной миной что-то выстукивает на машинке одним пальцем. Старательно так выстукивает. Даже лоб вспотел.

Заглядываю через плечо. Оказывается, радиogramму сочиняет. «Дорогая моя жена! Спасибо тебе за дочь...» На этом Макс основательно застрял. Наверно, у него возникли творческие затруднения.

Кто-то включает трансляцию, и в кают-компанию тотчас врывается тревожный и шумный голос промысла.

— «Омулевка», приготовились! — кричит наводящий.

Следующая очередь — наша. Это неожиданным образом разрешает творческие затруднения Макса и спасает нос Лешки от новой экзекуции. Мы расходимся по своим местам и настраиваемся на волну ожидания. Ленивой медужой проплывает мимо время...

«Утес» командует:

— Приготовиться!

— Есть приготовить! — отвечает капитан.

Витька уже в шлюпке в своем неизменном оранжевом жилете.

«Утес» бросает буй. Как раз в центре косяка. Запись еще продолжается. «Хорошая запись, — говорит «Утес». — Богатая. Целых три сантиметра!»

— Поехали! — кричит капитан.

Витька прикладывает руку к воображаемому козырьку. Это, конечно, шик. Но Витька без этого не может.

Мы делаем хитрый маневр на ветер и идем в замет. Все остальное вершится с точностью и слаженностью часового механизма. Замыкаем невод в кольцо, подтягиваем низа и готовимся к выборке. Кан, как и прежде, бежит вдоль борта и гремит кувалдой. Сегодня он гремит не зря. Михалыч водит по неводу прожектором, и мы видим, как у нас в кошель-

ке мечется, плещется косяк. Огромный косячище! Такого мы еще не брали. Мы и выбирать-то невода еще не выбирали, а косяку уже не хватает простора. Все молчат, словно онемели.

— Включить верхний свет! — голос капитана возвращает нас к действительности.

Наша «Орловка» вспыхивает, как рождественская елка в новогоднюю ночь. Смотрите все! Смотрите! Мы на сетях, к нам тоже пришла трудная долгожданная рыбацья удача!

Начинаем выборку невода. Осторожно подтягиваем и укладываем на площадку дель. Первый, второй, пятый литера... Все, стоп! Дальше нельзя — косяк силен и может порвать невод.

Нас быстро дрейфует в сторону от нашей деревни. Ее огоньки видны теперь едва-едва. Видно только, как в небе полыхает заливо.

Закрепляем к пробке аварийные кухтыли, на всякий случай, чтоб косяк не подтопил ее, а Марконя тем временем зовет шхуны:

— «Нерпа», «Сивуч», «Лактак», «Оленница»! Я «Орловка», я «Орловка». Есть рыба, много рыбы, сообщаю наши координаты, сообщая наши координаты...

На палубу выходит Тая и угощает нас свежим ароматным хлебом. Он еще теплый, наверно, только из печи.

— Проголодались небось, — смеется, и в ямочках щеки. Эти ямочки и сразили, наверно, нашего Лешку под корень.

На голове у Таи трепещет легкая газовая косынка. Вдруг ветер срывает ее и уносит в море. Мы даже глазом не успели моргнуть. Глядь, и нет косынки. Лешка сбрасывает робу, он полон решимости, но Тая останавливает нашего доблестного рыцаря.

— В чем же вы теперь на танцы ходить будете? — спрашивает Лешка, а сам нехотяти краснеет.

Но Тая тоже умная девушка. Она просто не замечает Лешкиной неловкости.

— А вы разве ходите на танцы в шапке?

— Нет, — отвечает Лешка.

— Ну, вот, — обрадовалась Тая.

— Я танцевать не умею, — признается Лешка.

— Это дело поправимое, — смеется Тая. — Придем в Холмск — я вас научу.

Лешка рад, ему хочется как-то проявить себя. Скажем, слазать на мачту или пройти на руках по трюму, но Тая уходит. И он остается наедине со своей любовью и рыбой.

Ну, а мы? Мы отворачиваемся. Разве мы позволим себе смеяться над лучшими чувствами товарища? Конечно, нет! Тем более что вдали уже показались огоньки шхун и впереди у нас новая бессонная ночь.

И мы ей рады.

Магадан